ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ № 1(14), 2018

Исторические науки

УДК 72. 032

Д.П. Шульга

Шульга Даниил Петрович, ст. преподаватель, Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, ул. Пирогова, 2), e-mail: alkaddafa@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА БЫТОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СОГДИЙСКИХ ТОРГОВЦЕВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГРОБНИЦЫ КАН Е)

Исследования выполнены при поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (Проект 5-100).

Обнаруженные в последние годы захоронения из западных регионов Центральной равнины Китая привлекли широкое внимание исследовательского сообщества. В наиболее представительные примеры входят: гробница Кан Е, датированная шестым годом эпохи Тяньхэ в Северной Чжоу (517 г. н.э.) из пригорода на севере Сианя, провинция Шэньси; гробница Ань Цзя в г. Сиань (580 г. н.э.); могила Юй Хуна 12 года эпохи Кайхуан в Суй (592 г.н.э.) в Тайюане, провинция Шаньси; и безымянная могила на вершине горы Вэньшань в Тяншуй, провинция Гансу.

Ключевые слова: Кан Е, согдийцы, Шелковый путь, Западный Китай.

D.P. Shulga

Shulha Daniel Petrovich, senior lecturer, Siberian Institute of management in Russia, Novosibirsk State University (2, Pirogova St., Novosibirsk) e-mail: alkaddafa@gmail.com

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF EARLY MEDIEVAL SOGDIAN MERCHANTS BEING IN NORTHWESTERN CHINA (BASED ON THE TOMB OF KANG YE)

In recent years, findings of tombs of people from the Western Regions of the Central Plains attracted the extensive attention of the academic community. The most demonstrative examples include 5 graves. The grave of Kang Ye (571 CE), this tomb located in the northern suburb of Xi'an in Shaanxi province. Three graves were found in Taiyuan, Shanxi province: the tomb of An Jia (579 CE), the grave of Shi Jun (580 CE), the grave of Yu Hong (592 CE). The fifth was the undated tomb from the mountain top of Wenshan in Tianshui, Gansu province.
Keywords: Kang Ye, Sogdians, Silk Road, Western China.

В отличие от основной массы погребальных комплексов, где личность усопших неизвестна, в случае с Кан Е, Юй Хуном и Ань Цзя мы можем точно установить не только имена, но и то, что умершие происходят из междуречья Амударьи и Сырдарьи в Центральной Азии. Известен данный народ был как согдийцы [1, с. 467]. Первый период их активности приходился на промежуток от династии Хань до времен Западной Цзинь. Согдийцы чаще всего исповедовали зороастризм [2, с. 417]. На протяжении периода Северных и Южных династий (420-589 гг.), в ходе второго этапа, многие из них мигрировали на Центральную равнину Китая и на территорию современного Синьцзяна.

Оформление гробниц согдийцев состоит из самых разнообразных живописных изображений [3, с. 105-113]. Очевидно, эти живописные изображения есть прямое отражение событий из реальной жизни усопших. Вместе с тем картины имеют огромное значение для изучения истории искусства зороастризма [1, с. 465-467]. Эти и иные плоскости изучения погребений мы рассмотрим на примере захоронения Кан Е.

Согласно эпитафии гробницы Кан Е является потомком царя Кангюйского государства, и занимал высокие должности в период Северная Вэй. Четыре каменные плиты, стоящие на вершине платформы каменного ложа Кан Е, покрыты рельефами, которые четко делятся на тематические блоки. Сцены на каменном ложе Кан Е сравнительно просты и имеют мало отсылок к зороастрийским верованиям и обычаям. В настоящем исследовании мы рассмотрим пять изображений: №1, №2, №3, №9, и №10 (нумерация из северо-западного сектора гробницы к юго-восточному). Все они имеют сходную композицию, относясь к одному тематическому блоку. Во-первых, перед нами групповые портреты. В центре картины мужская или женская фигура, сидящая на кушетке, лицо повернуто. Господина и госпожу окружает множество слуг и гостей, некоторые из этих фигур или сидят, или же стоят, словно слушают речи господина и госпожи. Меньшие фигуры и разделены по социальному статусу между собой. Во-вторых, все фигуры расположены в горах и лесах. В-третьих, все фигуры собраны под большими деревьями [4].

Можно предположить, что сюжеты, где представлены люди, участвующие на пирах, развлечениях, прогулках или другой общественной деятельности есть отражения реальной жизни. Такие сюжеты могут иметь повествовательный характер.

В то же время, возможно, что связь между высеченными в гробнице сюжетами и усопшими гораздо сложнее, чем мы можем себе представить. Нередко ремесленники создавали «полотна» на базе ранее существовавших художественных примеров. Погребенный и его душеприказчики могли не

делать каких-либо конкретных запросов по поводу конкретного содержания картин. Дело в том, что образы (в т.ч. в гробнице Кан Е) относятся к более крупной иконографической системе. Создание творений такого рода принадлежит определенной социальной группе конкретного исторического периода. Человек из определенной социальной группы и определенной эпохи мог бы использовать традиционные художественные средства для выражения собственных идей.

Читая эпитафию в гробнице Кан Е, можно понять, что изображения на камне не имеют конкретной задачи отобразить жизнь и достижения Кан Е. В лучшем случае, можно сказать, что эти изображения представляют социальное положение захороненных в гробнице. Например, неоднократное появление знатной женщины в сюжетах можно рассматривать как относящееся к жене усопшего.

Подобные изобразительные детали могут быть легко найдены на другом материале, обнаруженном ранее. Например, есть рисунки с изображениями сыновей и внуков на боковых панелях гроба Юань Ми (524 г. н. э.) в Северном Вэй. Похоже, что сюжеты, изображенные на гробе Юань Ми, не подчеркивают повествовательного хода событий. Вместо этого выборочно отображены две отдельные статичные сцены. Если сравнивать с погребением Кан Е, то можно найти стилистические сходства. Например, сидячее положение фигур, взгляд центральной фигуры повернут, фигуры разделены в соответствии с их социальным положением. Вокруг изображенных пышно растущие деревья в лесу.

Изображения, подобными плитами Кан Е, можно также найти в гробнице Цуй Фэня (551г. н. э., в совр. округ Линьцюй, Шаньдун) в Северной Ци (удельное царство северо-западного Китая, существовавшее в 550-577 гг.). Учитывая, что Цуй был китайцем, настенная роспись на плитах украшена изображениями величественных отшельников в ханьском стиле. Как и в гробнице Кан Е фигуры сидят под деревьями. Портреты степенных старцев, очевидно, произошли от Семи Мудрецов из Бамбуковой Рощи из

Южных Династий. Это направляет наше внимание на Южные Династии. Прямую параллель мы видим на памятнике Гуншань в Нанкине. Там настенные росписи гробницы могут быть разделены на восемь сюжетов одинакового размера, каждый включает в себя одну фигуру и одно дерево.

Рельефная резьба «История Вималакирти» на каменной стеле, датируемой первым годом восточновэйского У-ди (543 г. н. э.), содержит много элементов, которые аналогичны каменным изображениям Кан Е на кушетке. Например, за Вималакирти и Манджушри видны большие деревья в характерной манере. Обе фигуры с лицами, повернутыми на три четверти. Каждый из буддийских святых окружен большим скоплением слушателей. Согласно буддийским текстам, Вималакирти и Манджушри находятся в одной комнате. Тем не менее, в процессе развития иконографии картина приобретает следующий вид: два человека сидят в разных домах или под разными навесами, оба лица показаны в три четверти. Этот угол особенно подходит для демонстрации диалога между двумя людьми, в отличие от портретов людей, показанных в полный профиль, в которых существование наблюдателя за пределами изображения не учитывается [4]. Согласно буддистскому канону, когда Манджушри отправляется навестить Вималакирти в его доме, его сопровождают восемь тысяч бодхисатв, пятьсот учеников и сотни тысяч небесных существ. Но на рельефной резьбе сопровождающие фигуры распределены равномерно вокруг них обоих, не только вокруг Манчжушри. В письменных источниках отсутствуют описания больших деревьев в жилище Вималакирти. Но от периода Южных и Северных династий до Суй (隋, 581-618 гг.), деревья стали постоянным элементом в иллюстрации «Истории Вималакирти».

Вышеперечисленные стороны художественного оформления, сюжеты можно делить на буддистское искусство, даосское искусство, зороастрийская традиция. Лу Сюнь сказал: «Выдающиеся люди, со времен Западной Цзинь известны тем, что осваивают три важнейших учения одновременно. Во-первых – это труды Конфуция и примеры Сыновней Почтительности. Во-

вторых – Лао Цзы, а в-третьих – писание Вималакирти». Это значит, что, по сути, разные религиозно-философские традиции в реальной жизни были, фактически, смешаны воедино. Например, в биографии Чжана Жуна есть запись о том, что он хотел быть похороненным с книгой о Сыновьей почтительности и Лао Цзы в левой руке, и краткой версией Праджняпарамиты и Сутры Лотоса в правой руке. Если различные писания могли быть захоронены в могиле одного человека, то художественные изображения могли переплетаться еще больше. Форма сама по себе является значительной частью содержания произведения. Таким образом, вместо того, чтобы читать изображения мавзолея Кан Е в качестве иллюстраций, их, скорее, лучше рассматривать, как идеализированные и стилизованные картины загробной жизни [4].

Как и кочевники сяньби, захватившие власть в ряде царств на севере Китая, сохранившие элементы собственных обычаев, но потом сильно китаизировавшиеся, Кан Е типичен для людей с западных регионов, которые поселились на территории Китая. С сохранением культурных традиций в различной степени, эти люди, в то же время стремились влиться в местную культуру [5]. Само использование подземных погребений, характерных саркофагов и традиционных для западного Китая гробниц является признаком китаизации. Точно также, мы можем видеть адаптацию форм художественного искусства Центральных Равнин в художественных изображениях в каменном кургане Кан Е. Таким образом, можно оценить степень культурной ассимиляции тех согдийцев, что поселились в Поднебесной. Возможно, в этом смысле мы и можем рассмотреть связь между погребальными изображениями и социальным статусом обитателя гробницы. Что касается изучения художественных изображений, нам следует уделить основное внимание связи между процессами распространения, копирования, адаптации и трансформации, вместо поспешных версий о драматических событиях в биографии или истории этноса.

Список используемой литературы:

1. *Grenet F.* Religious diversity among Sogdian merchants in sixth-century China: Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism, and Hinduism // Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East. – 2007. – Vol. 27, No. 2. – P. 463–478.

2. *Rose J.* The Sogdians: prime movers between boundaries // Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East. – 2010. – Vol. 30, No. 3. – P. 410–419.

3. *Wertmann P., Wagner M., Tarasov P.* Sogdian careers and families in sixth- to seventh-century northern China: a case study of the Shi family based on archaeological finds and epitaph inscriptions // The history of the family. – 2017. – Vol. 22, No. 1. – P. 103–135.

4. *Zheng Yan.* Notes on the Stone Couch Pictures from the Tomb of Kang Ye in Northern Zhou [Electronic Resource] Mode of access: URL: http://www.kaogu.cn/uploads/soft/Chinese%20Archaeology/9/Notes%20on%20the%20Stone%20Couch%20Picture%20from%20the%20Tomb%20of%20Kang%20Ye%20in%20Northern%20Zhou.pdf (дата обращения 22.02.2018).

5. *Кудинова М. А., Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Николаева Н. Ш.* Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего Средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 323–327.